

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 1999 г.

Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов. М., 1998. 343 с.

Рецензируемая книга выдающегося исследователя древней истории и культуры иранских народов Эдвина Арвидовича Грантовского осталась не вполне завершенной из-за смерти автора в 1995 г. В окончательном виде рукопись была подготовлена к печати его учеником С.В. Куландой и издана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. В этом труде рассматриваются историко-лингвистические данные о культуре индоиранцев, их предполагаемой прародине и времени распада арийского единства, история Ирана, особенности общественного строя, хозяйственного уклада и идеологии, начиная с конца II тыс. до н.э., когда появляются первые письменные свидетельства об иранцах, до возникновения государства Ахеменидов в середине VI в. до н.э. Вместе с тем книга содержит обстоятельный критический анализ различных подходов к установлению соотношения археологических культур и этноязыковых общностей, а также к оценке исторических факторов и, таким образом, создает надежную источниковедческую базу для изучения истории мидийцев и персов того периода, когда она еще не освещается синхронными иранскими письменными памятниками. Рассмотрим вкратце выводы автора.

Он не согласен с предложением Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Иванова, согласно которым прародина индоевропейцев находилась в пределах Восточной Анатолии, Южного Кавказа и Северной Месопотамии, откуда они прошли через Среднюю Азию на север и далее на запад в Европу. Эту прародину автор рецензируемой книги помещает в северных евразийских степях и полагает, что индоевропейцы были степными скотоводами, у которых земледелие играло лишь подсобную роль. Распад индоевропейского (или арийского) единства он относит ко времени между первой четвертью и серединой II тыс. до н.э.

Судя по ономастическим данным ассирийских и урартских надписей, ираноязычное население появилось на окраинах Западного Ирана на рубеже II–I тысячелетий, куда оно проникло в основном через Кавказ. На своей новой родине персидские племена двигались с северо-запада на юго-восток и при этом их этноним отложился в названии Парсуа, засвидетельствованном в ряде районов Западного Ирана. Как видно из ассирийских источников, страна с таким топонимом сначала находилась в области Замуа (в районе современной границы Ирана и Ирака), но в конце концов персы осели на территории древнего эламского государства Аншан, получившего название парса по имени его новых обитателей. Однако в течение нескольких столетий после прихода мидийцев и персов на Иранское плато там все еще преобладали автохтонные этнические группы и ведущая роль в политическом отношении принадлежала их старым государственным образованиям (таким как Эллипи или Маннейское царство). При проникновении на территорию плато иранские племена по своему хозяйственному укладу и типу культуры были более или менее однородны и лишь значительно позднее у них произошло разделение на земледельцев и кочевников.

В X–IX вв. все «городские» и ремесленные центры также принадлежали старому местному населению, от которого иранцы усвоили его достижения в области земледелия и ремесла. Но через столетие, в IX–VIII вв., ираноязычное население уже широко распространилось на плато, а с конца VII в. до н.э. стало складываться этнокультурное единство на основе слияния иранских и автохтонных народов.

Автор подвергает критике еще совсем недавно очень популярную в западной археологической культуре теорию, согласно которой прибывавшие на плато иранцы принесли с собою туда культуру «серой керамики», т.е. технику изготовления на гончарном круге монохромной лощеной посуды серого или серо-черного цвета, которая около 1350–1300 гг. до н.э. заменила прежнюю расписную керамику. По мнению автора книги, иранцы, которые

до прихода на плато не знали гончарного круга и пользовались лепной посудой, заимствовали у местного населения, наряду с другими достижениями материальной культуры, серую керамику (исходя из чисто археологических данных и независимо от Грантовского, связь серой керамики с приходом иранцев на плато была отвергнута также и И.Н. Медведской; в настоящее время и западные археологи пересматривают мнение о такой связи).

Как известно, основным нарративным источником по истории Мидии является труд Геродота. обстоятельно рассмотрев мидийский логос «отца истории» и источники информации, использованные им для написания этого произведения, автор приходит к выводу, что сообщения Геродота о Мидии в своих основных частях вполне достоверны. Вопреки распространенному в современной науке мнению, Грантовский считает Дейока реальным историческим лицом, царем и основателем Мидийского государства, возникшего около середины VII в. до н.э. Однако, как показывает автор книги, хронологические выкладки Геродота о правлении мидийских царей далеки от действительности и представляют интерес скорее для изучения методов исчисления времени в ранней греческой хронологии. Подобным же образом лидийская хронология в труде Геродота очень расходится с исторической действительностью. У Геродота многие исторические лица легко смещались во времени, что вело к возникновению хронологических несоответствий и фактических ошибок, причиной которых было отсутствие точных ориентиров в подсчете времени. Примером таких ошибок может служить рассказ Геродота о визите афинского государственного деятеля Солона к лидийскому царю Крезу.

Большое место в рецензируемом труде уделено независимой от Геродота информации об истории Передней Азии, сохранившейся у других античных авторов. Например, все мидийские цари были известны Геродоту, но независимо от него и задолго до него о них знали также другие греческие историки. Рассмотрев данные о древнем Иране в отрывках произведений старших и младших современников Геродота (например, у Гелланика и Лесбоса, Харона из Лампсака и др.) и в сочинениях поздних античных авторов (Диодора, Помпея Трога и т.д.), Эдвин Арвидович показывает, что в ряде случаев они знали о персидских реалиях больше, чем «отец истории», и даже располагали сведениями, восходившими к подлинной номенклатуре ахеменидских административных традиций. Поэтому, заключает он, сообщения Геродота не должны считаться предпочтительными по сравнению с данными других античных источников, если те и другие восходят к одним и тем же сочинениям более раннего времени.

В частности, получившая развитие у Геродота версия, согласно которой Крез остался жив после захвата Сард персами, возникла после 70-х годов V в. до н.э. Ранее, у поколения Вакхилида и Пиндара, родившихся около 520 г. до н.э., преобладало мнение, что Крез погиб во время войны с Кипром. Поэтому автор полагает, что сообщение Геродота о спасении Креза при подавлении лидийского восстания или во время его же похода на массагетов, являются заведомо вымышленными.

При современном состоянии источников по истории древнего Ирана, естественно, зачастую неизбежны разногласия в их трактовке. Рассмотрение таких возможных разногласий не является задачей настоящей рецензии, но тем не менее представляется целесообразным остановиться на вопросе о скифском вторжении в страны Ближнего Востока. Полемизируя с И.Н. Медведской, автор считает достоверным сообщение Геродота (I. 105) о походах скифов на юго-запад Азии до границ Египта и о том, что фараон Псамметих вышел навстречу им и, откупившись дарами, убедил их не вторгаться в его страну. Вслед за рядом исследователей Грантовский относит это событие ко времени около 626 г. (см. с. 180–181 и 187; там же даны ссылки на литературу). Такое мнение не представляется мне вполне убедительным по следующим причинам. Прежде всего, история Передней Азии второй половины VII в. до н.э. сравнительно хорошо освещена клинописными и другими местными источниками, и скифский поход до границ Египта, вероятно, нашел бы отражение в них, если он имел место. Важно иметь в виду и следующее: в течение указанного времени Египет, пожалуй, является самым могущественным государством на Ближнем Востоке, поскольку уже тогда начался распад Ассирийской державы на различные соперничавшие друг с другом политические центры, а Вавилония и ее потенциальный союзник Мидия были еще относительно слабы и только готовились к войне с Ассирией. Возможно, что в это время какие-то отряды скифов и совершали набеги до границ Египта, но Псамметих несомненно легко мог бы справиться с ними, не прибегая к мольбе и уговорам. Наконец, следует иметь в виду, что Геродот поразительно плохо ориентировался в политической истории Передней Азии конца VII – первой половины VI в. Так, например, он даже не упоминает имени Навуходоносора II и, очевидно, ничего не знал о нем, хотя и дает довольно

подробное и в общем и целом верное описание Вавилона и его храмов, которые являлись творениями этого царя.

Посмертное издание труда Эдвина Арвидовича Грантовского является большим событием в изучении истории и культуры древних иранцев. Он, как и другие работы этого первоклассного ираниста и замечательного человека, основан на превосходном знании огромного фонда разноязычных письменных памятников и археологических источников и их тонком и щепетильно добросовестном анализе с критическим учетом всей соответствующей иранистической, классической и ассириологической литературы, включая также старые публикации.

М.А. Дандамаев

© 1999 г.

F. PINA POLO. Contra arma verbis. Der Redner vor dem Volk in der späten römischen Republik (Heidelberger Althistorische Beiträge und Epigraphische Studien; Bd 22. Hrsg. von G. Alföldy). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1996. 216 S.

Демократия и свобода слова – понятия тесно связанные. В Риме Поздней республики, в эпоху, когда политическая борьба достигла крайнего накала, а искусство публичной речи – расцвета, естественно искать черты, которые могут быть истолкованы как элементы демократического устройства. Поэтому интерес к ораторскому искусству I в. до н.э. не только как к культурному, но и политическому феномену не ослабевает в историографии. Отражением этого интереса является книга испанского исследователя, профессора Сарагосского университета Ф. Пина Поло. Роль свободного слова в Римской республике, в которой сила публичной речи, ее влияния на народ могла быть противопоставлена открытому насилию, и процессы, приведшие к утрате важнейшей из политических свобод, – в центре внимания автора. Цитата из Цицерона (Cic. Fam. XII. 22.1) не случайно вынесена им в заглавие книги «Словом против меча» – такова была, по мнению Ф. Пина Поло, альтернатива политической жизни эпохи Поздней республики, когда явственно обнаружилось противоборство двух способов убеждения – силой слова и силой оружия.

Книга состоит из введения, шести глав основной части и заключения. В конце ее приведены просопографические таблицы, дан список использованной автором литературы, включающий более 300 названий, приложены указатели понятий, имен, цитируемых источников. Глава первая – «Политика и свобода слова» (параграфы: «Демократия и участие народа в политической жизни», «Равноправие и свобода слова», «Ораторы и слушатели в Афинах и Риме», «Публикация и распространение текстов речей»; вторая – «Политические ораторы» (параграфы: «Privati в роли ораторов в народных собраниях», «Посредники в народных собраниях», «Producere in contionem», «Плебейский трибунал и contiones», «Эпоха специалистов: imperatores, солдаты и юристы», «Судебные и политические ораторы»); третья – «Учение риторики» (параграфы: «Novitas и риторика», «Реакция аристократии: цензорский эдикт 92 г.», «Политик-оратор – идеал Цицерона»), четвертая – «Contio locus invidiae est» (параграфы: «Слухи как орудие политической борьбы: subrostrani и susurratores», «Invidia и народные собрания в речи Цицерона "В защиту Клуенция"», «Цицерон и contiones»), пятая – «Contio locus seditionis est» (параграфы: «Политическое влияние plebs urbana и plebs contionalis», «Руководящая роль элиты», «Политические цели мобилизации народа»), шестая – «Словом против меча» (параграфы: «Слово и меч после мартовских ид», «Убеждающая мощь Октавиана»). Выводы как книги в целом, так и отдельных ее разделов суммированы в «Заключении».

Оглавление обнаруживает замысел автора: от краткого вводного экскурса в теоретические проблемы политического устройства Поздней республики, сравнительной характеристики роли и места устного слова, публичной речи в Риме и Афинах (гл. 1) он переходит к анализу конкретных данных о политических ораторах последней трети II–I вв. до н.э., характеристике их статуса (гл. 2) и социального состава (гл. 3), рассматривая затем речь перед народом как элемент стратегии римского политика, как средство усиления его